

Янь Хуасин не выдержал и протянул ей бумажную салфетку.

Лучше пока оставить Чэнь Цзили в покое, пусть немного остынет.

Гу Хэюэ всё ещё стояла в конце класса, глубоко нахмурившись и глядя куда-то вдаль за окно.

Окна выходили на спортплощадку, где можно было заметить участников футбольной секции и других ребят, занимавшихся физкультурой.

На далёком горизонте разливался закат, пролетали белые птицы.

В классе плач постепенно стих, воцарилась тишина.

Чэнь Цзили опустила голову, и лишь спустя долгое время произнесла:

— Прости меня.

Янь Хуасин спросил:

— Ты извиняешься передо мной?

— Да.

— За что?

— Утром я так уверенно всё обещала, а в итоге опустилась до того, что сама же называла низостью...

Чэнь Цзили не успела договорить, как Янь Хуасин резко её перебил:

— Почему ты извиняешься передо мной? По факту, ты ни в чём передо мной не виновата. С того самого момента, как ты почувствовала разочарование, ты виновата только перед самой собой.

Я лишь посторонний человек. Твои поступки и мысли — какое они имеют ко мне отношение? Единственное, что важно — это ты сама. Твои поколебленные убеждения, твои страдания и твои чувства — всё это касается только тебя.

Янь Хуасин больше не улыбался, от него исходил нескрываемый, леденящий холод.

В душе Чэнь Цзили зародился страх, но слёзы, словно порвавшиеся бусы, продолжали катиться по щекам.

Она, не мигая, смотрела прямо на него.

— Не нужно строить догадки о том, что, измени ты какой-то один фактор, твоя любовь вспыхнула бы с новой силой. Это всего лишь твои идеальные фантазии.

— Давай подумаем, что бы сделал Чжан Хайюй, если бы не было того случая днём? — Янь Хуасин нахмурился. — Он бы сделал вид, что ничего не произошло, что он не знает о твоих чувствах, не взглянул бы на твою открытку с признанием и продолжал бы использовать тебя как банкомат.

— Ты ведь умная. Разве ты не можешь отбросить те слова Чжан Хайюя и вырваться из порочного круга, который он для тебя нарисовал?

После этих слов Чэнь Цзили словно пришла в себя.

Она была заперта в словах Чжан Хайюя и никак не могла вырваться из этих обречённых отношений.

Жила в постоянном страхе.

Но слова Янь Хуасина стали для неё крепкой лианой, спустившейся с небес прямо в топкое болото.

Измученная долгими страданиями, она ухватилась за неё, и лиана надёжно её поддержала.

Её окутало чувство безопасности.

Чэнь Цзили успокоилась. Чтобы сохранить абсолютную рациональность, нужно было взглянуть на ситуацию со стороны.

Только с высоты птичьего полёта можно разглядеть истинные причины и следствия прошлого.

В классе снова воцарилась тишина.

— Он сказал мне, что привык к моему присутствию рядом, и даже если я робела и не решалась подойти, он всё равно украдкой поглядывал на меня.

Глядя на ситуацию глазами стороннего наблюдателя, Чэнь Цзили привела мысли в порядок и

осторожно продолжила.

Янь Хуасин должен был это знать.

Единственный человек рядом с ней, кто мог передать её чувства объективно — это Янь Хуасин.

Он был человеком с широким кругозором и лучше всех разбирался в делах сердечных.

Только он мог сдвинуть с её сердца этот огромный камень.

Видя, что Чэнь Цзили готова говорить сама, Янь Хуасин заметно смягчился.

— Ещё что-то было?

Чэнь Цзили покачала головой:

— Остальное примерно то же самое, о чём ты говорил.

— Понятно, — уголки губ Янь Хуасина приподнялись. — Ты поверила?

Чэнь Цзили кивнула.

Янь Хуасин усмехнулся:

— Прежде чем обсуждать правдивость этих слов, давай вспомним одну вещь. Очень важную вещь.

— Какую? — спросила Чэнь Цзили.

— Эта деталь поможет проверить, действительно ли он дорожил тобой. Какими бы сладкими ни были его речи, пока этот факт не опровергнут, ни одному его слову верить нельзя, — сказал Янь Хуасин.

Чэнь Цзили попыталась вспомнить, но так и не поняла, о чём речь, и спросила:

— О чём ты?

Янь Хуасин не ответил сразу. Вместо этого он наклонился в сторону, посмотрел на Гу Хэюэ, стоявшую у задней доски, и спросил:

— Есть ли среди слушателей те, кто может ответить на этот вопрос?

— Скучно.

Гу Хэюэ произнесла это с ледяным выражением лица, едва разомкнув тонкие губы.

— Похоже, этот слушатель не очень внимательно слушал лекцию, смотри, снижу балл, — рассмеялся Янь Хуасин.

Чэнь Цзили обернулась и только сейчас заметила, что позади неё кто-то стоит.

Она ведь даже не подозревала об этом.

Волосы на лбу той девушки мягко спадали вниз, большие очки в чёрной оправе скрывали половину лица, виднелась только нижняя часть.

Черты лица были правильными, но из-за того, что лицо было скрыто, запомнить её было сложно.

Несмотря на бесстрастное выражение, Гу Хэюэ всё же произнесла:

— Чжан Хайюй с самого начала не читал твою открытку.

— Но он сказал, что читал... — возразила Чэнь Цзили.

Однако к концу фразы её голос угас.

Янь Хуасин подхватил:

— А когда именно он, по-твоему, читал? Не сегодня ли днём, когда собирал вещи, свалил все открытки в кучу и просмотрел их разом?

— ...

— Спихватился, когда поезд ушёл? Он неплохо играет в шахматы, раз так мастерски умеет делать ходы задним числом.

Услышав это, Гу Хэюэ не удержалась и, прикрыв рот кулаком, тихо прыснула.

Чэнь Цзили многое поняла.

Днём она ведь ясно понимала, что Чжан Хайюй никогда не читал её открытку. Почему же она так легко позволила ему одурачить себя парой сладких фраз?

— Похоже, так и есть.

...Действительно, всё это было лишь оправданием задним числом.

— А то, что он сказал, что испытывает ко мне симпатию — это тоже ложь? — спросила Чэнь Цзили.

Янь Хуасин улыбнулся:

— Конечно, он тебе врал. Как профессионал, ответственно заявляю: ему просто льстило, что кто-то за ним бежит.

Чэнь Цзили вытерла слёзы на лице и надула губы:

— Почему ты так радуешься?

— Ты наконец всё осознала, как же мне не радоваться?

Янь Хуасин протянул руку и постучал пальцами по коробке, которую держала Чэнь Цзили.

— Это чувство облегчения, когда друг думает так же, как и ты. Такое удовольствие не сравнится даже с шестью часами пения в караоке.

Чэнь Цзили:

— ...

Шесть часов в караоке? Горло-то выдержит? Говорить-то потом сможешь?

Янь Хуасин продолжил:

— Скажу эгоистично: меня всё же волнует твоя история, так что это вовсе не то, что меня не касается, как я говорил вначале.

Чэнь Цзили знала Янь Хуасина всего полдня, но уже начала немного его понимать.

Он больше не казался ей таким высокомерным и недостижимым, как гласили слухи.

В то же время, он вовсе не считал это дело сугубо личным, как уверял сам. Его тоже злили и расстраивали её эмоциональные метания.

Только сейчас Чэнь Цзили почувствовала, что Янь Хуасин — живой человек.

Пусть он и излагает правильные вещи, у него тоже есть свои чувства.

Даже если он носит маску безразличия, он всё равно человек, ценящий отношения.

Вот только в его чувствах не было любви.

От долгого сидения с коробкой на коленях ноги затекли. Чэнь Цзили поставила коробку на пол и размяла ноги. Хотя на сердце всё ещё было тяжело, боль стала намного слабее, чем в начале.

— Чэнь Цзили, — позвал Янь Хуасин.

— М? — она подняла голову и посмотрела на него.

Янь Хуасин слегка улыбнулся:

— Давай решим ещё одну задачу с выбором.

— Какую задачу?

Не успела она договорить, как в глазах Янь Хуасина блеснул огонёк.

С загадочным выражением лица он начал шарить в кармане рубашки.

Его таинственные движения и интригующий вид разожгли любопытство Чэнь Цзили.

Карман на рубашке такой маленький, что туда может поместиться?

Янь Хуасин молчал, а когда вынул руку, между двумя пальцами тянулся длинный стебель.

Растение?

Чэнь Цзили вытянула шею, её глаза округлились.

Янь Хуасин улыбнулся, и то, что он держал, показалось целиком.

Это был цветок лотоса!

Чэнь Цзили остолбенела.

Он достал целый лотос из крошечного кармана рубашки!

И цветок выглядел совершенно свежим, без единого признака увядания!

...Потрясающе!

Янь Хуасин был доволен реакцией Чэнь Цзили.

— Небольшой фокус, нравится?

— Нравится!

Чэнь Цзили взяла лотос, её глаза светились от восторга.

Фокус был хорош, но и сам цветок был прекрасен!

Янь Хуасин добавил:

— Не спеши, есть ещё один.

Снова, словно по волшебству, Янь Хуасин достал из кармана ещё один цветок.

Но на этот раз он не вызвал у Чэнь Цзили такого восторга.

После изумительного лотоса этот обычный фиолетовый полевой цветок казался слишком невзрачным.

— Не нравится этот? — Янь Хуасин слегка приподнял бровь, но не выказал недовольства.